

№ 176 (сер. 30-х – 50-е гг. XII в.; Б 37) [Г]. Остатки букв в середине первой строки допускают единственно возможную реконструкцию: по **полоу ц[ѣтѣ] рѣзн[ѣ]**, где *цетѣ* — это записанное с ошибкой *цетвьртѣ* (запись [рѣзн](ѣ), с пропуском гласного, укладывается в рамки обычных для этого слова сокращенных написаний). Далее уверенно опознается низ от *д*, что, с учетом места для двух-трех букв в конце строки, позволяет столь же уверенно реконструировать [д](а **поу**)**стиса в бъръзѣ домови** ‘отправляйся скорее домой’.

№ 179 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. По новому снимку грамота прочитывается полнее, чем прежде. В первой строке читается: [р](ж)[и у] [гр]а[ц]а **кор(о)[ѣ](иа) р[ж]и . у лу**... Во второй строке вместо **у Коуратъва** следует, скорее, читать **у ко[рѣ]атъва** или **у ко[рѣ]атъва**. Буквенная последовательность ...а-б-рѣ в начале третьей строки прочитывается как а[м]ѣ[а]рѣ (буквы *м* и *ѣ* идентифицируются с полной надежностью), причем на снимке хорошо видно, что этим словом строка и начиналась (со сдвигом вправо написана и следующая строка). По-видимому, начав слово *анбаръ* в конце второй строки, писавший, перейдя на следующую строку, решил написать его заново, на этот раз через *м*. Варьирование носового согласного в этом тюркском заимствовании характерно для памятников XVI–XVII в. Комментируемый документ содержит, по-видимому, самую раннюю фиксацию слова. В целом текст грамоты приобретает следующий вид:

... (коробиа) [р](ж)[и у] гр[а]ц[а] **кор(о)[ѣ](иа) р[ж]и . у лу**
и г. бѣлѣ на замкѣ
 ...р[ѣ]ѣ**икина** **коробиа ржи у ко[рѣ]атъва в[ѣ] а**
 а[м]ѣ[а]рѣ **·и· (ѣ)ѣл[ѣ] у бобачк[ѣ] полъ**
·г· бѣл · у скудлѣ ·г· куньни*

№ 181 (3 четв. XI в.; А 25) [Г]. В начале второй строки читается конечная часть словоформы ...|здо. В грамоте без смешения *ъ* с *о* наиболее вероятной конъектурой для данного слова представляется наречие (*гора*)здо, вполне уместное в начальной фразе письма: ... (*гора*)здо, *възьми*... Ср. № 685, где это наречие выступает в причастном обороте, относящемся к императиву: [мъ]--[и]та : за *Вьлькъ* : *ръспытав[ѣ]ша [ѣ]раз(ѣ)*.

№ 188 (рубеж XIII–XIV вв.) [ГЗ]. В этом чрезвычайно неряшливо написанном обрывке удастся разобрать следующее:

...-ѣ **коробыи - - -**...
 ...[ндр]а же **василь ж[ѣ]гине а** тара...

Буквы в начале второй строки читаются ненадежно; в частности, буква, прочитанная как *р*, более похожа на *о*. Но если читать ее таким образом, то далее необходимо выделять союз *аже*; между тем для последовательности **аже василь ж[ѣ]гине а** тара... не видно никакого синтаксического решения (если только не допустить, что *а* употреблено здесь в значении ‘и’, как в польском, что маловероятно). Если же на *-ндра* заканчивалось имя, то текст мог иметь примерно следующую структуру: «(От [или: у] X-а взял верешь Y, от Ко/Олекса)ндра же Василь Жъгине, а Тара(съя взял от Z-а)».

№ 190 (2 пол. XIII в.) [Г]. Фрагмент допускает следующее прочтение:

... а [тог]о сѧ к[л]ир[о]с...

В грамоте мог упоминаться как *клирос* в значении ‘клир’, так и *клиросники*. Сказуемым фразы был возвратный глагол, управлявший формой родительного падежа *того*. Фраза в целом могла иметь примерно следующий вид: *А того сѧ клирос(ники запирають)*.

№ 194 (вероятно, посл. четв. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. Изучение новых снимков позволяет внести в прочтение грамоты ряд уточнений. В ДНД₂ текст документа передан следующим образом:

-- [N]ОНЬЧО -- [Ж]...

-(-)и ородошо Ж домаслава Ч[оти]ри кон[и] Ж м-(-)-[он]а ---а
(...)

Выделение в первой строке слова [N]ОНЬЧО встречает два препятствия. С одной стороны, первое *н* в этом слове совсем не похоже на второе и вообще имеет очень странное начертание — с левой вертикалью, уходящей далеко вверх и влево. С другой стороны, буквы, следующие за данным словом, могут быть только *ли* или *ло* (причем более вероятно второе, учитывая, что *о* в грамоте шире, чем *и*); однако, перед надежно читаемым далее Ж буквосочетание *ло* не дает никакого смысла, а частица *ли* плохо сочетается с *ноньче*.

Приводим фотографию и прорись данного фрагмента:

Как можно заметить, штрих, трактованный как верх левой вертикали первого *н* в *ноньчо*, в действительности принадлежит второй букве несохранившейся первой строки. Остальные же элементы этой буквы, вместе с хорошо видимой на снимке треугольной нижней петлей, образуют начертание *б* с большой засечкой. Начало второй строки приобретает, таким образом, следующий вид: ...|БО НЬ ЧО[ЛО] Ж ... Вычленяется сочетание *нь чоло* («не чоль» («не считал»?), с глагольной формой, дважды маркированной как наддиалектная (ср. диалектное *uczkle* у

Т. Фенне). На ...*бо* могла оканчиваться, например, словоформа (*хлѣ*)*бо*, что дает (*хлѣ*)*бо не чоло*. В таком случае фраза могла иметь вид: «У такого-то хлебов не считал».

Опознание *б* во второй строке дает решение и для странного сочетания *и ородошо* в начале третьей. Буква, принятая за *и*, — это *г* с такой же огромной засечкой, как у *б*. Последовательность *городошо* может, строго говоря, принадлежать лишь словоформе (*сѣ*)*Городѣ*»*шо*(*ю*). Однако предлога *сѣ* перед ней явно не было: с небольшим отступом влево (вызванным тем, что здесь в строку спускалась слишком глубоко просеченная вертикаль от *б* в предыдущей строке) уверенно опознается верх от *ж*. Остается предположить ошибку в записи формы родительного падежа [*ж Г*]ородоше, впрочем, вполне объяснимую инерцией целых трех *о* в предыдущих слогах. Удвоение «у Городши у Домаслава» не составляет препятствия к принятию такой трактовки: это могли быть, например, братья; или долг Городши был записан с обратным порядком слов; ср. ниже комментарий к № 649, где восстанавливается: *оу Озькъ оу Обѣкъшь сьмга 2 сьроцька*.

Из возможных реконструкций для окончания третьей строки наиболее вероятной представляется: Ж М[о]л[д]и[на] [жит]а | (...). *Жита* здесь следует понимать как И. мн.: «У Молдина — посевы ячменя»; ср. № 196: *реклѣ кси былѣ во своѣмь селѣ верши всѣ добры и драж жита*. *Молдинь* — очевидно, обозначение лица, производное от имени *Молда*, отразившегося в названии села Молдино на одноименном озере в Удомельском районе Тверской области. Это село было центром новгородского Молдинского погоста, неоднократно упоминаемого в писцовых книгах Бежецкой пятины (НПК, VI: 276 и др.).

Текст грамоты в целом приобретает, таким образом, следующий вид:

БО НЬ ЧОЛ[О Ж] ...
[Ж Г]ородошо Ж домаслава Ч[оти]ри кон[и] Ж м[о]л[д]и[на] [жит]а
(...)